

А.Н. Николоюкин
С.П. ШЕВЫРЁВ О ПУШКИНЕ*

Аннотация. В статье рассматривается первое эссе С.П. Шевырёва о наследии А.С. Пушкина, опубликованное в 1841 г. в журнале «Москвитянин».

Ключевые слова: А.С. Пушкин; С.П. Шевырёв; русская литература; поэзия; «Москвитянин».

Nikolyukin A.N. S.P. Shevyrev about Pushkin

Summary. The article deals with S.P. Shevyrev's essay on Pushkin published in the journal «Moskvityanin» (1841).

Keywords: S.P. Shevyrev; A.S. Pushkin; Russian literature; «Moskvityanin».

Основатель науки русского литературоведения Степан Петрович Шевырёв (1806–1864), находясь в Риме, написал «Послание А.С. Пушкину», позднее, в 1850-е годы были записаны Воспоминания Шевырёва о Пушкине. Менее известна большая статья Шевырёва о Пушкине, появившаяся в «Москвитянине» (1841. Ч. 5. № 9. С. 236–270). Это была одна из первых статей, представляющих общий взгляд на наследие Пушкина после его смерти.

Поводом для появления шевырёвской статьи «Сочинения Александра Пушкина» стало завершение первого издания Сочине-

---

* Статья выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Проект № 18-012-00150 «Полное собрание литературно-критических трудов С.П. Шевырёва».

ний Пушкина (СПб., 1838–1841. Т. 1–11), на что откликнулись П.А. Вяземский, В.А. Жуковский, В.Ф. Одоевский, П.А. Плетнёв.

Шевырёв смотрит на Пушкина и его наследие как современник и как близкий друг поэта, высоко ценившийся им. «А когда вспомнишь, что этот художник был первый поэт Русский, гениально отгадавший тайну нашей народной Поэзии; что его мастерская была наша Русская жизнь, в которой он наиболее черпал свои вдохновения; что этот чудный мрамор, покорявшийся меткой руке его, был наше Русское слово, которого поэтическую тайну он постиг и унес с собою...». Интересно, что о той же тайне говорил Ф.М. Достоевский в конце своей известной речи о Пушкине: «Пушкин умер в полном развитии своих сил и бесспорно унес с собою в гроб некоторую великую тайну. И вот мы теперь без него эту тайну разгадываем». Мысли их созвучны и отражают непреходящее впечатление от неожиданной гибели Пушкина. И Шевырёв еще поясняет эту мысль: «В Италии есть поговорка об Рафаэле, что он унес с собою в могилу тайну своих красок. У нас можно то же сказать о Пушкине, что он взял с собою тайну своего стиха».

В последние годы своей жизни, отмечает Шевырёв, поэт был в «самой могучей поре своего развития». Как первый мастер русского стиха, он победительно освоил и русскую прозу и искусно владел обеими формами отечественной речи. Эти две формы служили выражением для двух главных направлений. «Стихами изображал он тот мир идеально прекрасный, где было первоначальное назначение Пушкина; прозу представлял для того мира живой действительности, с которою опыт собственной жизни познакомил его гораздо позднее».

В стихах соединены и конец и начало поэтической деятельности Пушкина. «За стихотворениями, которые писаны в последние годы его жизни и представляют высший цвет стихотворного стиля, следуют его стихи Лицейские – любопытные особенно для истории его развития». Читая стихотворения последних лет его жизни, нельзя не удивляться, до какой степени совершенства довел Пушкин отделку формы русского стиха.

Русский стих прошел две школы. Одна шла от Державина, она имела характер пластический, мало заботилась о звуке и обращала все внимание на образ. «Вслед за пластической школой, – продолжает Шевырёв, – образовалась у нас школа музыкальная:

основали ее Жуковский и Батюшков». Пушкин совместил в стихе своем образ державинский с звуком Жуковского и Батюшкова – «и тем повершил изящную форму русского стиха».

Пушкин в высшей степени был одарен русским глазом и русским ухом. «Надо было послушать, – вспоминает Шевырѐв, – как читал Пушкин русские песни и свои стихи, чтобы вполне убедиться в том, что широкий орган его голоса был совершенно устроен по широкому звуку русского языка».

Переходя к анализу отдельных сочинений Пушкина, Шевырѐв выделяет роман «Евгений Онегин» – «самое высшее произведение Пушкина, всех более отразившее в себе жизнь ему современную», «эта Одиссея нашего времени, служит самым сильным доказательством в пользу мнения нашего, потому что в самом зародыше этого произведения главным условием был недостаток полноты в целом». Про «Капитанскую дочку» говорится, что «это произведение лучше других» – «в нем можно было видеть переход к какому-то еще новому, дальнейшему развитию Пушкина, если бы жестокая судьба русской поэзии не присудила иначе». И вновь возникает идея «тайны», которую унес с собой поэт.

Чудеса русского стиха Шевырѐв находит в «Медном всаднике», «чудную картину Великого бронзового всадника, который с грохотом скачет неотступно за безумным. Каким чутким ухом Пушкин подслушал этот медный топот в расстроенном воображении юноши! Как умел он тотчас найти поэтическую сторону в рассказе события, кем-то ему сообщенном!».

По словам Шевырѐва, Пушкин делился с ним замыслом драмы «Ромул и Рем» из истории основания Рима. В этой драме он намеревался вывести «волчиху, кормящую двух близнецов». Осуществлен был другой замысел – «Каменный гость». В этой драме «заметно весьма пристальное изучение Шекспира, которому Пушкин, как видно и по его поэме “Анжелло”, и по отрывкам в смеси, предавался особенно в последние годы своей жизни».

Шевырѐв проводит прямое сопоставление драмы «Каменный гость» с Шекспиром. «Сцена Дон-Жуана с Донной Анной напоминает много сцену “Ричарда III” между Глостером и Леди Анной, вдовой Эдуарда Принца Валлийского, даже до подробности кинжала, который Дон-Жуан, как и Глостер, употребляет хитрым средством для завершения победы. Положение совершенно одно

и то же: не мудрено, что Пушкин, и без подражания, без подущения памяти, сошелся нечаянно в некоторых чертах с первым драматическим гением мира».

Заключительная сцена «Каменного гостя» поражает тем, что после преступного поцелуя внезапно появляется статуя. «Как глубоко значительна эта быстрая смена преступления наказанием! Эта сцена совершенно убеждает нас в том, что Пушкин глубоко понимал тесную, неразрывную связь изящного с нравственным».

В подражаниях Данту, отмечает Шевырѐв, Пушкин завещал нам образцы превосходных русских терцин пятистопной и шестистопной длины. «Удивительно, как великий художник успевал во всем дать пример и указать путь. Те ошибутся, которые подумают, что эти подражания Данту – вольные из него переводы».

Из писателей русских все лучшие представители национального вкуса сходятся влиянием своим в его стихотворениях. Жуковский, Батюшков и даже Богданович слышны в его посланиях, написанных трехстопным ямбом. «Да, весь Парнас Русский, начиная от Ломоносова до непосредственных предшественников Пушкина, участвовал в его образовании. Он есть общий питомец всех славных писателей русских, и их достойный и полный результат в прекрасных формах языка отечественного».

Пушкин воспитал Музу свою на Ариосте, Парни и русских сказках, после чего и создал «пир молодого воображения» – «Руслана и Людмилу». Известно, что Байрон произвел сильное впечатление на Пушкина. «В лице Пушкина и Байрона встретились новая, свежая, полная юных сил и подвигов, кипящая мечтами Россия, и охладевший, разочарованный, уже покидавший веру в свое грядущее, Запад». В «Евгении Онегине», продолжает Шевырѐв, только одна внешняя форма и некоторые «замашки» указывают на то же влияние Байрона. Вся глубь картины занята непрерывно сменяющимся калейдоскопом всего быта России, всей жизни русского народа. «Создание Тани принадлежит к лучшим идеалам Пушкина, какие вынес он из самых светлых воспоминаний своей страстной юности».

Поэма «Полтава» стала переходом от влияния Байрона к самобытности. В «Борисе Годунове» Пушкин явился Пушкиным. Здесь, как и в других позднейших его произведениях, влияние Байрона миновало совершенно и «началось скорее влияние

Шекспира, влияние менее опасное, потому что Шекспир духом своим более согласовался с духом нашего Пушкина».

Высоко оценивает Шевырѐв прозу Пушкина. «По природному эстетическому чувству он должен был отгадать, что новый мир сущности, обнаживший перед ним себя, требовал от него и новой формы, которая бы ему совершенно соответствовала. Он овладел русскою прозою и дал ей новый оттенок».

«Летопись села Горохина» («История села Горюхина») – самая едкая сатира на внутреннюю пустоту нашей сельской жизни. Повесть «Египетские ночи» – это сатирическая картина тех отношений, в которых у нас поэт находится к обществу. «Арап Петра Великого» остался неоконченным. Анализируя «Дубровского», Шевырѐв, однако, не упомянул «Повести Белкина» и «Пиковую даму».

Завершая свою статью, Шевырѐв замечает: «Заслуживает особенное внимание отношение Пушкина к его критикам; он не презирал критику, как сознается сам; он счел за нужное даже оправдаться перед читателями в том, в чем его понапрасну обвиняли. Презирал Пушкин одни только ругательства, и, по примеру Карамзина, премудро завещал всякому писателю, сознающему в себе какое-нибудь чувство достоинства: на все придирки и нахальные ругательства завистливой посредственности, полагающей единственную опору своей славы в том, что она перед чернью окричит все, что ее выше, – отвечать одним молчаливым презрением».